

Н О В О С Т И Д Н Я (М.)

1893, 21 февраля, № 3475

с.3.

НЕЗАКОНЧЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО

(Мысли о беллетристике)

/.../ Если Пушкин, Гоголь, Лермонтов не были оценены современниками по достоинству, то именно потому лишь, что они - подобно статуе, о которой говорил Броунинг, - заполняли своими колоссальными фигурами умственный горизонт своего времени. Если современное общество плачется на свою литературу, то вовсе по другой причине: литература наполняет слишком ничтожную часть общественного кругозора; общество видит в своей жизни множество фактов, казалось бы, составляющих по своему значению непереносимое и непосредственное достоинство литературы, - и, однако, литература занимается пустяками, бирюльками, мелочами, а из означенных фактов не делает никакого применения, чувствуя, быть может, свое бессилие и неумение их понять и охватить. Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Тургенев были умнее своего общества; современное общество умнее своей беллетристики. К беллетристам "доброго старого времени" общество относилось как к учителям, хоть и не всегда считало их дельными учителями. К книге иногда относились скептически, но, в общем, ее уважали. Теперь книгу не уважают. В современных беллетристах общество видит не более как учеников, которым недоступны общие взгляды на жизнь, которым стоит сказать "исполать" даже и тогда уже, если они более или

менее правдиво изобразят какой-нибудь единичный, на удачу вырванный из действительности бытовой фактик. Современные русские беллетристы - поэты "мелочей жизни", и не в том смысле, чтоб они рассматривали, как составляется жизнь из этих мелочей, - что делали Салтыков, Гоголь, Островский, - нет, они поэты "мелочей жизни" *an und für sich*, самих по себе. Возьмите, например, г.Чехова. Это - фотограф моментов. Его аппарат схватывает человека врасплох, когда он меньше всего ожидает быть снятым; кажется, должно было бы получиться самое верное и точное изображение. Оно и получается, - только верность и точность-то относятся не к лицу, снятому фотографом, а исключительно к тому моменту, под каким оно снято. Онегина, Рудина, Печорина, Базарова, Н.Ростова, Безухова мы можем представить себе, как живые, знакомые нам лица, в каком угодно настроении, при каких угодно обстоятельствах. Мы можем предположить, что сделал бы Онегин, Рудин, Печорин и т.д., будучи поставлен в такие-то и такие-то житейские условия, как можем предположить, что сделал бы в тех же условиях наш брат, дядя, отец, словом, живое и всецело изученное нами лицо. Но относительно героев чехова мы не в состоянии строить никаких предположений, по крайней мере основательных, не фантастических. чехов показывает нам свои действующие лица в каком-нибудь одном, исключительном настроении и навеки оставляет их в нашей памяти с этим настроением. Мы видели и запомнили чудесный моментальный снимок лица, отразившего на себе известное чувство; но что это за лицо, какое значение имеет оно для общественной мысли, каково оно вне влияния чувства, отраженного снимком, -

нам совершенно темно. Все вышесказанное о г.Чехове можно применить и к гг. Альбову, Баранцевичу и - хотя в несколько меньшей степени - к Ясинскому.

Самый горький вопрос, противопоставляемый критиком современной беллетристике: "зачем это написано?". Каждому понятно, зачем написаны "Онегин", "Дворянское гнездо", "Отцы и дети", "Анна Каренина", потому что это - картины, имеющие самостоятельный, точно определенный смысл.

/.../ Только определенная цель придает смысл пущенным в ход средствам; хорошо в искусстве только то, что создается во имя ясной и толковой идеи. Беллетристика же гг. Чеховых, Баранцевичей, Альбовых, Ясинских - ряд великолепных подмалевков, рисуемых без всякой надежды соединить их когда-нибудь в идейную картину. В конце-концов, этот недостаток приводит к тому, что публика, вместо того, чтобы задумываться над беллетристикой и поучаться из нее, как это было во дни Тургенева, Достоевского, Салтыкова, даже Гаршина и начинаний Короленко, - читает ее исключительно ради развлечения. Точь-в-точь, как, дожидаясь в приемной доктора или адвоката, вы, чтоб убить время, перелистываете томы иллюстрированных журналов или альбомы с фотографическими карточками.

А.В.А.

<А.В. Амфиотров>

менее правдиво изобразят какой-нибудь единичный, на удачу вырванный из действительности бытовой фактик. Современные русские беллетристы - поэты "мелочей жизни", и не в том смысле, чтоб они рассматривали, как составляется жизнь из этих мелочей, - что делали Салтыков, Гоголь, Островский, - нет, они поэты "мелочей жизни" *an und für sich*, самих по себе. Возьмите, например, г.Чехова. Это - фотограф моментов. Его аппарат схватывает человека врасплох, когда он меньше всего ожидает быть снятым; кажется, должно было бы получиться самое верное и точное изображение. Оно и получается, - только верность и точность-то относятся не к лицу, снятому фотографом, а исключительно к тому моменту, под каким оно снято. Онегина, Рудина, Печорина, Базарова, Н.Ростова, Безухова мы можем представить себе, как живые, знакомые нам лица, в каком угодно настроении, при каких угодно обстоятельствах. Мы можем предположить, что сделал бы Онегин, Рудин, Печорин и т.д., будучи поставлен в такие-то и такие-то житейские условия, как можем предположить, что сделал бы в тех же условиях наш брат, дядя, отец, словом, живое и всецело изученное нами лицо. Но относительно героев Чехова мы не в состоянии строить никаких предположений, по крайней мере основательных, не фантастических. Чехов показывает нам свои действующие лица в каком-нибудь одном, исключительном настроении и навеки оставляет их в нашей памяти с этим настроением. Мы видели и запомнили чудесный моментальный снимок лица, отразившего на себе известное чувство; но что это за лицо, какое значение имеет оно для общественной мысли, каково оно вне влияния чувства, отраженного снимком, -

нам совершенно темно. Все вышесказанное о г.Чехове можно применить и к гг. Альбову, Баранцевичу и - хотя в несколько меньшей степени - к Ясинскому.

Самый горький вопрос, противопоставляемый критикой современной беллетристике: "зачем это написано?". Каждому понятно, зачем написаны "Онегин", "Дворянское гнездо", "Отцы и дети", "Анна Каренина", потому что это - картины, имеющие самостоятельный, точно определенный смысл.

/.../ Только определенная цель придает смысл пущенным в ход средствам; хорошо в искусстве только то, что создается во имя ясной и толковой идеи. Беллетристика же гг. Чеховых, Баранцевичей, Альбовых, Ясинских - ряд великолепных подмалевков, рисуемых без всякой надежды соединить их когда-нибудь в идейную картину. В конце-концов, этот недостаток приводит к тому, что публика, вместо того, чтобы задумываться над беллетристикой и поучаться из нее, как это было во дни Тургенева, Достоевского, Салтыкова, даже Гаршина и начинаний Короленко, - читает ее исключительно ради развлечения. Точь-в-точь, как, дожидаясь в приемной доктора или адвоката, вы, чтоб убить время, перелистываете томы иллюстрированных журналов или альбомы с фотографическими карточками.

А.В.А.

<А.В. Амфиотров>

Им. Заб-Лоси.
в приемл...